

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

к 556

14

Н. Ротов

НОВОЕ МЕСТО

—Зачем, Павел Иванович, в ВЦСПС завернули?

—Да по привычке, голубчик: за мертвыми душами.

Рис. Н. Ротова

Однажды я и мой товарищ занимались скучнейшим делом: мы сидели бок о бок за столом и заполняли анкеты. Случайно я поинтересовался, насколько обогнал меня в этом деле товарищ, и увидел, что он вписывает в графу «Чем занимались до Октябрьской революции?» неожиданное для меня слово «повар».

Внимательно я осмотрел пожилого задумчивого человека. Такое сосредоточенное лицо могло быть у хирурга, у архитектора, у народного артиста, наконец. На самом деле он был крупный хозяйственник, имя которого мелькало на страницах газет, председатель большого союзного объединения.

Когда мы справились с анкетами, вышли и сели в фордик-лимузин, я скарал Ивану Николаевичу:

— Никак не думал, что вы были поваром.

— Я и официантом был и мальчиком на побегушках, а не то что поваром. До повара первой руки я не дошел, однако достиг хорошего места на узловой станции, в губернском городе.

— Потому вы так интересовались столовой на Н-ском заводе?

— Отчасти потому. Но столовая на предприятии—вообще серьезная вещь. В прошлом году, когда у нас был праздник по случаю наших успехов, я сам приготовил салат, и об этом было написано в шуточном номере стенгазеты.

— До революции писатель Шмелев написал «Человек из ресторана»—повесть об официанте. Вы могли бы написать что-нибудь вроде «Записок повара».

— В юности меня просто звали «малый», а после уж я стал «человеком», и звали меня «человеком» восемь лет. А затем уже я стал Иваном, а после революции Иваном Николаевичем. Да, друг мой. Это школа. И нелегко было сохранить человеческое в образе «человека из ресторана».

Он помолчал и, подумав, добавил:

— За восемь лет ко всему привык. Приходилось прислуживать модницам-бабам, и просто подледам-чинодралам, и, наконец, чудакам-либералам... интересные бывали встречи.

— Например?

— Ну вот вам коротенькая история с моралью. Восемь лет я работал официантом в одном клубе, в большом губернском городе. Клуб был солидный, посещала его разная публика, чиновники, главным образом солидные игроки. И бывал чуть не каждый вечер в клубе Александр Сергеевич Широких, гражданский инженер (было такое звание). Ужинал он всегда в клубе, хотя был человеком семейным. Кстати сказать, он был либеральных взглядов и во время войны здорово поругивал царя и правительство. Он знал меня в лицо, звал по имени, любил поговорить о жизни. Особенно после проигрыша. Во время войны тучей полезли в клуб земгусары, тыловое офицерье,—и работать стало трудно. Наденет погоны какой-нибудь тип—и откуда берется гонор, нахальство: швыряется казенными деньгами, орет, за здорово живешь гоняет человека. Ну тут вышла у меня небольшая история. Полез на меня такой сучик с кулаками, и тут я его легонечко причесал. Из клуба меня, разумеется, выгнали, но вышло все к лучшему. Знакомый повар со станции взял меня в помощники. Так вот, что же дальше о господине Широких. Сидит он однажды на вокзале, в первом классе, и ждет московского поезда. Я в тот день как раз работал и, проходя мимо, поздоровался.

— А, — говорит, — это ты, Иван? Я кое-что про тебя слышал. Это ты Жоржа Горшкова проучил? Пускают всякую

шваль в клуб, так они всю старую прислугу разгонят. Ну как живешь?

— Благодарствуйте,—говорю,—живу.

И тут он мне говорит:

— Все это к лучшему, Иван. Хорошо, что, будучи «человеком» в кавычках, ты остался человеком без кавычек. То есть не утратил человеческого образа. Понятно?

Я поклонился и, пожалуй, забыл бы навсегда либерального инженера, клуб и всю мою прошлую жизнь: время пошло такое, что было не до них. Забрали меня на фронт, дальше Февраль и Октябрь на фронте, полковые комитеты, первая встреча с большевиками... В общем—все ясно. Постепенно забыл я мою прошлую жизнь, только изредка, по ночам, снится: «Раз—битки! Антрекот-метр-д'отель—два раза!», «Человек... салфетка!» Но меньше всего я думал о своем прошлом, когда в командировке, по пути в Америку, в славном городе Париже, забежал второпях позавтракать в ресторан, вблизи американского консульства. Взял карточку, смотрю, что за чорт: по-французски и по-русски написано. Оказывается, эмигрантский ресторан. Решил без церемоний уходить, иду к выходу—и вдруг у буфетной стойки с салфеткой стоит не кто иной, как Александр Сергеевич господин Широких. Поседел и потолстел, а так все на месте: прическа ежиком и борода лопатой. Поглядел я на него и вспомнил, что, в сущности, он был не из худших людей. Какой чорт занес его сюда, в русский кабак «Тула», в Париже?

— Александр Сергеевич, — говорю я, — вы меня, конечно, забыли, но, может быть, вспомните «человека» Ивана из Н-ского собрания?

Глядит он на меня и глядит, надел пенсне. Наконец, говорит:

— Удивительная метаморфоза. Кто же ты... то есть вы, Иван, теперь будешь? И почему вы здесь?

Я не стал объяснять; впрочем, он догадался.

— Что ж,—говорит,—генералами Конвента когда-то были парикмахеры и подмастерья. Вы председатель треста, а я вот вроде старшего официанта в этой обжорке. И помогаю повару вроде как ты... то есть как вы в свое время.

— По-моему, напрасно,—говорю я,—в конце концов у вас есть профессия, какой чорт вас сюда занес? Надо было честно работать—были бы целы и сыты. А если бы работали на совесть, то уважали бы вас и ценили.

— Возможно,—отвечает,—это мои стервы: теща и свояченицы—сбили меня... Ну, что вспоминать.

Я повернулся к дверям и вышел. Вдруг слышу за собой шаги: бежит за мной, сопя и вздыхая, Широких.

— Послушайте,—говорит и почему-то прячет глаза,—не хотите ли вы (и ваши коллеги) весело провести вечерок... Тут у нас милые дамы, работают в качестве консоматорш, то есть официанток... Молоденькие особы... Можно было бы закрыть раньше времени ресторан... И, в общем, совсем не дорого.

Смотрю я ему в глаза: мигает и отворачивается.

— Эх,—говорю,—Александр свет Сергеич... Помните, что вы мне сказали на вокзале в пятнадцатом году, в зале первого класса. Вот и я вам теперь скажу: «Плохо, сударь мой, то, что, будучи «человеком» в кавычках, вы перестали быть человеком без кавычек». И, не дожидаясь ответа, ушел по своим делам. Такие бывают встречи в жизни человека. И хоть сочини анкету на сто вопросов, все равно в нее всего не упишешь!

Л. НИКУЛИН

ОСТОРОЖНОСТЬ НЕ МЕШАЕТ

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 35.

— Сейчас, господа студенты, я продемонстрирую внутренние органы человека...
— Выйдем на всякий случай, Фриц.

СТАДРИШКА

Старику шел девяностый год. Он жил наощупь. Ничего уже не видел, очень плохо слышал, и когда к нему подходила жена старшего сына Катерина Васильевна, он брал ее за руку, ощущал ее мягкость и только после этого догадывался, что перед ним женщина.

— Лизаветушка? — шамкал он.

— Лизавета в Костроме живет, — сердито кричала ему в ухо Катерина Васильевна, — это я, Катя. Хотите каши?

— Ваши? — переспрашивал старик. — Все ваши, все ваши...

Катерина Петровна со стуком ставила тарелку на стол и хлопала дверью.

— Разве это жизнь? — жаловалась она за столом мужу, архитектору Окуневу. — Ютимся в двух комнатах, гостей принять негде, а старикашка целую занимает.

— Он помирет, и мы комнату возьмем, — вмешалась в разговор семилетняя Валя, об'едая куриную ногу. — Старика часто помирают.

— Нельзя так говорить, Валя, — покраснев, сказал Окунев. — Он твой дедушка и мой папа.

— Папа, папа, — едко вставила Катерина Васильевна, — у всех папы, — а разве они так жрут? Сливочек ему дай, курочку ему дай, булочку ему дай — это же слон, а не старик. И жрет и пьет, и жрет и пьет, как маленький.

Второклассник Костя сухо заметил:

— Маленькие не жрут, а кушают.

А вечером, когда дети уже улеглись и Валя скулила, что ей не дали в кровать куклу, Окунев осторожно шептался с женой.

— Действительно, зажился старик, — вздохнул он, — крепкий. Он всегда такой был. Один семью в девять душ кормил. Впрочем, у них, у стариков, все сразу кончается. Прихворнул — и нет старичка.

— Нет старичка, — заворчала Катерина Васильевна, — четвертый год слышу от тебя, а старик нас переживает... Слышишь, как там ворочается и мычит, как корова, спать не дает.

Окунев встал с кровати и босыми ногами зашлепал к старику.

— Ты что кричишь, отец? — сердито спросил он. — Спать не даешь. Чего тебе надо?

— Катюша? — прошамкал в темноте старческий голос.

— Какая там Катюша. Это я, я. Чего тебе надо?

— В боку колет, — вздохнул старик. — Ой, колет...

— У всех колет, — хмуро бросил Окунев. — Дай спать.

И, вернувшись в комнату, крикнул детям:

— Вы еще там развозились! Спать!

Через неделю, приблизительно, Окунев вернулся домой расстроенный и раньше времени.

— Что с тобой? — спросила жена.

— Чорт его знает. Гудит что-то в голове. Ломит. Температура, наверное.

К вечеру у Окунева было около сорока градусов. Но

чью приехал доктор, долго выслушивал сердце и необобрительно покачал головой.

Четыре дня Окунев слышал около себя только пошот и помнил только одно, что ему хочется пить. Один раз мелькнула мысль, что в какой-то из этих дней должно быть костино рождение, для которого он уже приготовил и держал на службе большой ящик с красками. Потом снова наступало жаркое небытие, сверху надавливал потолок и в глазах таяли окна.

На шестые сутки он неожиданно проснулся с необычайной легкостью в теле и мягким звоном в ушах. В углу горела прикрытая шарфом лампа.

Костя сидел за учебником и зевал. Валя поила куклу холодным чаем.

— А папка-то не помирет? — равнодушно спросила она и добавила: — Как дедушка?

— Нет, — зевнув, ответил Костя. — Они живучие. А помирет — мамка дедушке наймет угол, а нас в ту комнату. Мне стол поставят, а тебе тоже стол. Маленький, и на нем зеленая лампа. Здорово?

— Здорово, — с восторгом сказала Валя. — И в кровати с кошкой буду спать. А можно о папке говорить, что он помирет?

— Можно, — кивнул головой Костя. — О дедушке можно, значит и о нем можно. У тебя лимон в сахаре остался? Дай.

— Мамка его папке в чай сунула. Нету.

— И все пьют, и все жрут, — безотносительно заметил Костя. — И красок у меня нет, и рождение зажулили.

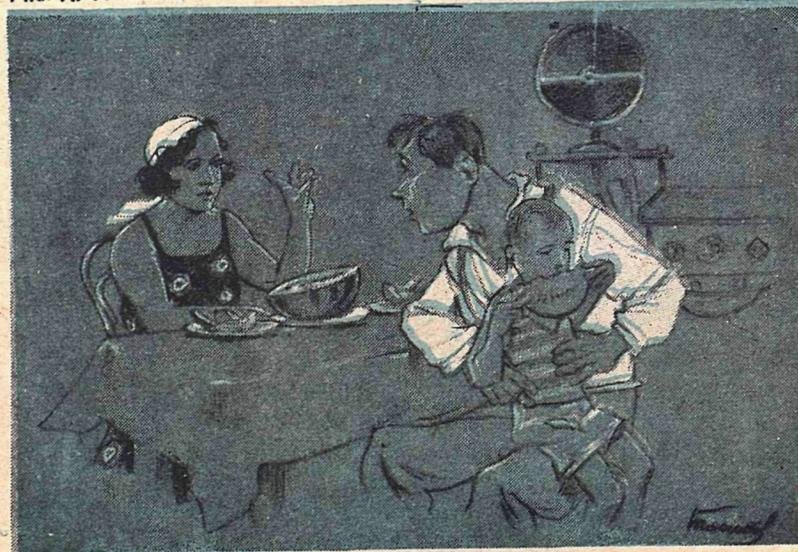
Окунев хотел что-то сказать, но язык сухой толстой трипкой лежал во рту. Он только промычал жалобно и обиженно и почувствовал, что по щеке проползла мокрой мухой щекочущая слеза.

— Мычит, — сухо посмотрел в его сторону Костя. — С утра мамка орет, вечером он мычит... Когда же заниматься?..

— Как дедушка, — констатировала Валя. — Они все мычат. Болезнь проходила медленно и вязко. Только через одиннадцать дней Окунев смог ходить по комнате. Небритый и с подламывающимися ногами. Костя ушел в школу, а сердитая на болезнь мужа Катерина Васильевна увела Валю гулять.

РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Рис. А. Топикова

— Почему соседи включают детскую передачу, а мы нет? — Им можно. Они бездетные.

Тяжело шлепая войлочными туфлями, Окунев прошел к старику.

— Здравствуй, отец, — сказал он, опускаясь к нему на кровать. — Ну как?

— Петюша? — беззубо улыбнулся старик, поглаживая его руку. — Плохо, Петюша... Зажился я...

— А ты живи, отец, — отвернувшись в сторону, устало кинул Окунев, — всем жить надо. Мало ли что с кем бывает. Хочешь чаю?

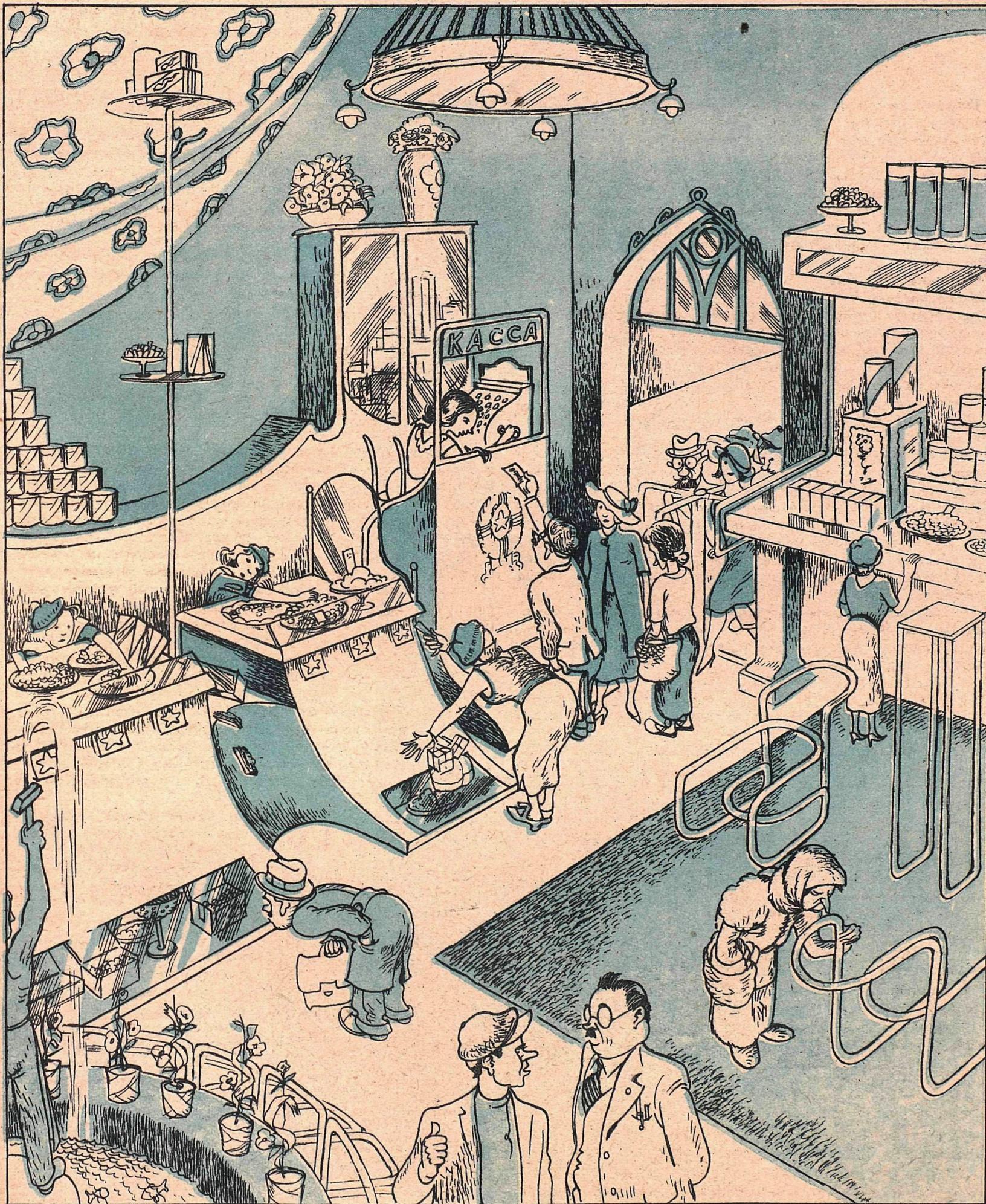
— Не надо, — слабо пожал старик его руку. — Посиди у меня.

Окунев погладил его холодную, всю из плетеных синих жил руку и впервые за последние шесть лет ласково и грустно посмотрел на старика.

Арк. БУХОВ

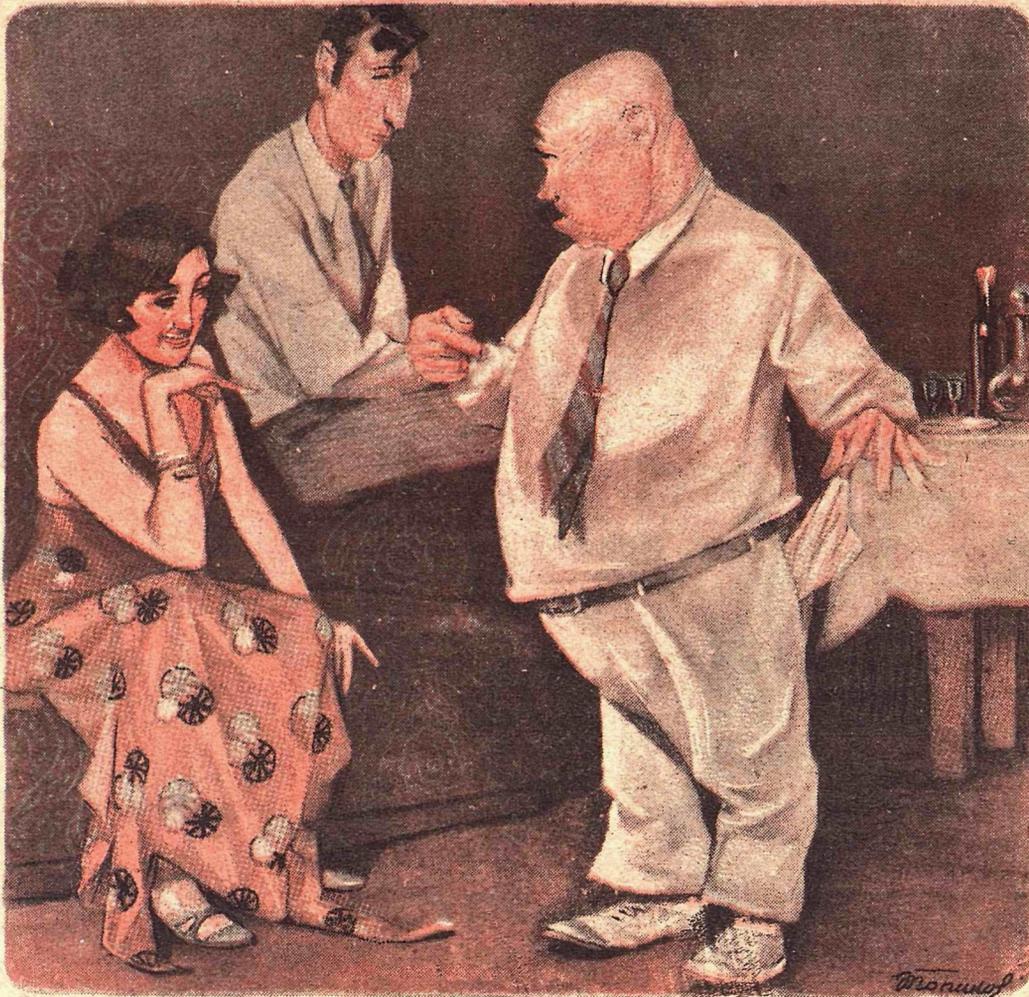
ПЫТКА СТИЛЕМ

Рис. Б. Клипча

— Ужасное оформление магазина! Что это за мебель? Для чего же здесь художник сидел?
— Как для чего? Для мебели!

Рис. А. Топикова

—Теперь уж меня никто не посмеет назвать жуликом с партбилетом.
 —А что—жульничать перестал?
 —Нет, партбилет отняли.

Я И МАГОМЕТ

Живу под Москвой и дивлюсь
 на соседей.
 Пошли бы в киношку, сходили бы
 в сквер...
 Так нет же: как только с работы
 придут,
 Садятся мечтать о квартире
 в Москве.
 Бывают обмены.
 Весь пригород помнит
 И спавит счастливица во все времена.
 Он дачку несчастную в несколько
 комнат
 На целую кухню в Москве променял.
 Потепи все над отчаянной сделкой,
 И слухи добрались ко мне по утрам,
 Что каждый участник продрагивал
 мелко,
 Боясь, что другой передумает вдруг.
 Москву я люблю, но подобные
 страсти
 Меня не терзали.
 Любовь подождет.
 Никто не прельстит меня
 кухонным счастьем

Даже у самых Никитских ворот.
 Однажды,
 Во время обычной беседы,
 Слушая грустную белиберду,
 Я взял и сказал,
 Что в Москву не поеду,—
 Пусть она едет ко мне!
 Подожду!
 Одним показалось, что я обезумел.
 Другие смеялись: «второй Магомет»,
 Но я это дело неплохо обдумал.
 Не пе-ре-аду!
 Не пе-ре... нет!
 Москва наступает. Слежу за
 походом.
 Через поселки, деревни, пруды,
 Сметая домишки, шагают заводы,
 Театры, музеи, дома и сады.
 И глядя на стройки, на планы,
 на сметы,
 Я делаю вывод логичный вполне:
 Если гора не идет к Магомету,
 То город Москва под'езжает ко мне.

С. ТОЛЬДЕНБЕРГ

Она была контролершей в театре—тучная и немолодая женщина с равнодушным лицом. И одевалась она небрежно в темные ткани. Только необыкновенно яркая брошь да еще огромные трехъярусные серьги, с которыми она не расставалась, показывали, что у нее есть претензии по части женственности.

Однажды она зашла в контору театра и, наблюдая, как быстро и красиво пишет одна из сотрудниц, сказала ей:

—Вон у вас какой почерк хороший... Вы мне не могли бы написать?

—А вам много?

—Не-ет... Строчечки две-три... У нас, знаете, в фойе сидит графолог, а мне страсть хочется, чтобы он определил мой характер. А у меня самой почерка никакого—одни каракули... Ну, вы мне напишите, я ему дам, будто я писала, он и скажет, какие во мне черты...

Д Р У Ж О К

На даче Миша играл с рыжим щенком по кличке «Дружок». Как-то Дружок ухватился зубами за мишинны вожжи с бубенцами. Вожжи были Мише нужны, и он тянул их к себе. Но Дружок, считая, что с ним играют, не отдавал, а, наоборот, шуточно рыча и мотая головой, тащил в другую сторону.

Тогда Миша рассердился и больно ударил Дружка ногою в бок. Дружок выпустил вожжи и, повизгивая, убежал под террасу.

Оказалось, удар был такой сильный, что Дружок болел несколько дней: не ел, не играл, а тихо скулил под террасой. Это было очень нехорошо. Миша понял, что он был неправ, еще в тот же день, но болезнь Дружка долго напоминала ему о его вине.

Дружок, однако, выздоровел, и вскоре после этого приехал из города папа. Папе, разумеется, рассказали (в отсутствии Миши) про Дружка. Поэтому, разговаривая с Мишей, папа сказал ему:

—Ну, так. Молодец! Сам себе лук сделал и стрелы—значит, молодец... А вот скажи-ка, брат, ты никого тут без меня не обижал? а?

Миша на секунду насупился, затем бодро поднял голову и ответил:

—Дружок уже поправился!

В БАГАЖ

В жестком вагоне, у самой двери в тамбур, лежал на верхней койке рослый парень. Длинные его ноги свешивались с койки и мешали открывать и закрывать дверь. Всякий раз приходилось ждать, пока парень не подберет ног, либо просить его об этом.

Больше других, естественно, страдал проводник вагона, который по делам службы часто входил и выходил из вагона. Вечером, когда задремавший парень стал подбирать свои конечности крайне медленно, проводник не выдержал: он осветил ручным фонарем огромные ступни и злобно сказал:

—Такие ноги надо в багаж сдавать.

В. АРДОВ

Рис. М. Храпковского

— Скажите, здесь Кавказ?
— Да, тут „Кавказ“.
Еще закрыто: очень рано.
— Скажите, здесь у вас
не ночевала тучка золотая
на груди утеса-великана?
— Да, здесь ночевала тучка.
Она уехала,
она не здешняя:
не кисловодчанка,

а эссентучка.

С. КИРСАНОВ

Кисловодск. 1935.

ТРИУМФ ПОШЛЯКА

Нас не очень волнует судьба эмигрантской литературы и ее стилевые достижения. Но лучшими ее шедеврами мы все же не можем не поделиться с нашими читателями.

Вот последний опус знаменитого своими бульварно-черносотенными романами Н. Брешко-Брешковского. Из него видно, каким сжатым и образным стилем стал писать маститый пошляк.

Помещен этот опус в отделе объявлений в «Последних новостях»:

из. дъ на гмана. анягя .Луи. ери. удание 5, рю обла- 'ское 1. От- ь. 9. ЮВ). Тро- льту- ланна, жаго, 3, рю ков. эзан- тие- рю е го- бра- Зая- :ской бра- уча- уль- нза- , рю

Отзыв писателя
Н. Брешко-Брешковского

«В течение полугода я принимаю КАЛЕФЛЮИДЪ. За это время во всем моем организме произошло самое действительное омоложение. Я в мои 61 год вновь без труда поднимаюсь на шестой этаж (без лифта), что еще не так давно сопровождалось усталостью и одышкой. Мало того, мускулатура, опадавшая с возрастом, опять, как в молодости, налилась и напряжилась. Я как то необыкновенно легко несу свое тело, ощущая при этом и духовную бодрость, что весьма способствует счастью творчества. Короче, КАЛЕФЛЮИДЪ возродил меня заново.»

Переутомленнымъ
необходимымъ трудомъ, потерявшимъ трудоспособность, болѣвшимъ, слабымъ, нервнымъ и выходящимъ изъ себя, рекомендуется КАЛЕФЛЮИДЪ, который восстанавливаетъ здоровье, силы и работоспособность.

КАЛЕФЛЮИДЪ УДОСТОВЕРЕН ВЫСШИМЪ НАГРАДОМЪ — 5 БОЛЬШ. ЗОЛОТ. МЕДАЛЕЙ: Парижъ, Лондонъ, Римъ, Брюссель и т. д.

КАЛЕФЛЮИДЪ продается въ бол. аптекахъ, гдѣ нѣтъ, туда — высыл. налож. платж. Бесплатно — требуйте у насъ литерат.

«Личные болѣзнен. Пашите: Laboratoire «К. КАЛЕФЛЮИДЪ» Lesich-Pharm. 68, Boulevard Exelmans, Paris (16). Въ Бѣлградѣ: Марковичъ, Негушева 5. Румыніа: Tatarsky Str. Izvor. 43, Bucarest VI. Польша: Dr Farm. K. Wenda Wroclaw 80, Warsaw. Кашаа: Бурштейнъ, Prov. Cedimino G-ve 23 и въ бол. аптекахъ мѣр.»

у кра- чуда. ван, г сообш. до ст. М-1 14, ав ПАН- Здор. в 1 ч. въ По у: Въ пре въ 30 1 отъ 30 рус. ст Gage № 27. Pl. S. de Cl Спр. ПАНСИ Средиз LA FA' палаж, у завѣ Ville et ПОЛ Здор. жон. Gage Noisy. Mme ОЕА

Интересно было бы знать только: куда так легко, хотя и напряжившись, носит свое тело г. Брешко-Брешковский? Наверное, в редакцию эмигрантских газет с очередным пасквилем на советскую жизнь. А на такое грязное дело прямо-таки жаль тратить дорогой медицинский препарат.

Наш рисунок нервно осмеивает недостатки в области гор, пиков и всяких подсобных высот. Будучи еще довоенной стройки, они оказались не емкими и не удовлетворяют вкусам советского потребителя. Не вмещают всех желающих. Стерлись от многочисленных туристов и требуют надстройки. Поэтому мы и предлагаем здесь, — если уже нельзя выстроить собственного Эльбруса, который бы нельзя было одолеть, по крайней мере надстроить кое-какие километры на прежний. Не хватает иначе. А закрывать Эльбрус на ремонт не надо. Это уже излишества. У наших туристов он без дела не настоится.

ФЕЛЬЕТОН В РАЗРЕЗЕ

Мы за искусство газетного фельетона, которое не ниже искусства беллетристики и поэзии, но мы против стандартного типа фельетона, против застарелости его форм.

Ниже мы приводим образцы тех форм стандартного фельетона, которые угрожают стать стихийным бедствием.

Фельетон с необузданными цитатами, ясно говорящий о крепком знакомстве авторов с отрывными календарями и музыкальными нотами 1911 года.

МАЛЬЧИКИ И ПОЖАРЧИКИ

«Гори, гори, моя звезда!» — сказал поэт. И вот в городе Чибирки вспыхнула баня. «Как произошел пожар?» — спросит изумленный читатель. Ответим ему словами другого поэта-классика: «Ню зажглась и быстро разгоралась». Во время пожара, когда догорали последние веники, счетовод паровой мельницы Хеопсов увидел двух школьников. «И мальчики кровавые в глазах. И рад бежать, да некогда», — как сказал Годунов Борису Грозному.

Это были дети Хеопсова, за которых он не платил алиментов. Освещенные мрачным заревом пожара, они ели тягучки. «Тянем-потянем, — говорят русская поговорка, — вытянуть — можем». Но сердце негодяя Хеопсова (г. Чибир-

ки, ул. Равнения, 2) не дрогнуло. Он ушел пить сельтерскую воду. «Будущее Германии — на воде», — сказал Вильгельм, бывший Гогенцоллерн. И он пил воду с сиropом.

«А что же с мальчиками?» — спросит изумленный читатель. «Да ничего», — ответим мы словами Лермонтова: «Нас было двое — брат и я». Хеопсов переехал в Черноморск, где может быть, вновь увлекает новую мать двух новых детей, баню отстояли, а виновник пожара, работник кипятка и пены Сутохин, поступил кельнером в пивную. «И только бороду седую мальчишки видели в воде», — как сказал поэт. Но что по этому поводу скажет прокурор? Мы ждем.

Фельетон с проблемами насчет ревности, стирки, изжоги, румы и на другие волнующие темы. Быстро создает автору популярность в дачных поездках и на футбольных состязаниях.

К И С Ы

В городе N в семье Z вузовка X села полтора кило яблочной пастилы.

Она была хорошенькая, с коричневыми глазами, а пастила была яблочная.

Местная общественность прошла мимо этого факта.

Но вот вузовец Володя M. M. пишет автору этих строк:

«Сколько должна есть советская девушка пастилы? Почему буржуазная девушка ест кило, а наша полтора? Нужно ли в данном случае игнорировать буржуазную культуру?»

И действительно, не будем

уклоняться от этой проблемы. Буржуазная девушка ест шпроты и кекс (Аргентина). Или бутерброды с мармеладом (Латвия). Наша ест баранину и телячьи ноги. Она теряет женственность на глазах у эпохи.

Будем ли мы бороться за женственность в пище или умоем руки? Не даром же девушек, сседающих по два шницеля, зовут «кисами».

За «кис» или против?

Я жду писем. Адрес: шашлычная «Терек», девятый столик — до востребования.

Фельетон с цифрами, историческим подходом и подкрепленным статистическими данными негодованием. Служит для автора справкой о солидности и перековке.

ЗА КОШКУ

Средняя кошкопропускаемость Ялухинского района до войны была 0,91. По четверти кошки на взрослую душу, не считая стариков и приезжих.

Еще Екатерина II устами своих придворных фаворитов сказала: «Ялухинцы кошкой живут». Несколько позже ее внук Петр Великий отменил кошку под влиянием голландских мореходов и велел населению сеять укроп и делать колеса.

Либеральное дворянство XIX века восстановило разведение кошек в Ялухиновщине в панике перед наступлением крупной буржуазии. Вплоть до революции отдельные предприниматели выделывали из кошек волчьих меха и перья для дамских шляп. (Одно перо на 0,77 едока в Ялухинском районе).

Что же видим теперь? Почти ничего.

На-днях выездная бригада

газеты «За пух» опрашивала местных продкооператоров:

— Кто у вас заботится о кошке?

— Никто, — ответили продкооператоры. — Кошка у нас, определенно, идет на снижение.

ние. (Минус кошка на один гектар населения).

Все это напоминает анекдот о купце, который заказал себе на пятак канарейку. И не с'ел. Он тоже не заботился бы о кошках.

Фельетон в стихах с точным соблюдением районных адресов, рифм и милицейских протоколов. Чаще всего читается вслух в нарсудах потерпевшими.

БИДОН НЕ НА УРОВНЕ

Мошкарева Дарья

Алексеевна

(Станция Малые Вышки)

И Кошкарева Марья

Андреевна

(Полустанок Большие

Пышки)

Купили пополам бидон¹,

Но вскоре изломался он.

Облака

Плывут

Над Доном.

Воеет

Ветер

За дверьми.

Разрыдалась над

Бидоном

Две

Советские семьи.

Никакого горизонта

Над безбрежностью равнин.

¹ 7 р. 20 к. Производство «Волго-Жестянка».

А бидон-то,

А бидон-то

Распаялся,

Сукин

Сын.

Но мы не миримся

с уроном

На фронте бидонном.

Рожденные солнечным

маем,

Шагнувшие

За

Предел,

Мы мощно бидон запаем,

Чтоб капать он больше

не смел.

Тогда горделивая Дарья,

Тогда терпеливая Марья

Возьмут возрожденный

сосуд

И в нем молоко² понесут.

² И квас.

Фельетон, рожденный непростительной щедростью редактора на газетной полосе. На местах не читается. В центре тоже.

ВЕЖЛИВОСТЬ УШЛА С ПОСТА

Знаете ли вы, что такое карман?

Карманы бывают в серых брюках, в пиджаках и даже в жилетах изысканного покроя. Не бывает у жилетов только рукавов.

Но начнем по порядку.

В Канаде фермеры жгли кофе. В Норвегии чистили кильки. В Елабуге горело электричество.

А в это время контуженный еще в мировую войну огородник-любитель тов. Чепчуенко шел по улицам г. Пензы и держался за карман, который обокрали.

— Милиционер! — крикнул он. — У меня вынули кошелек!

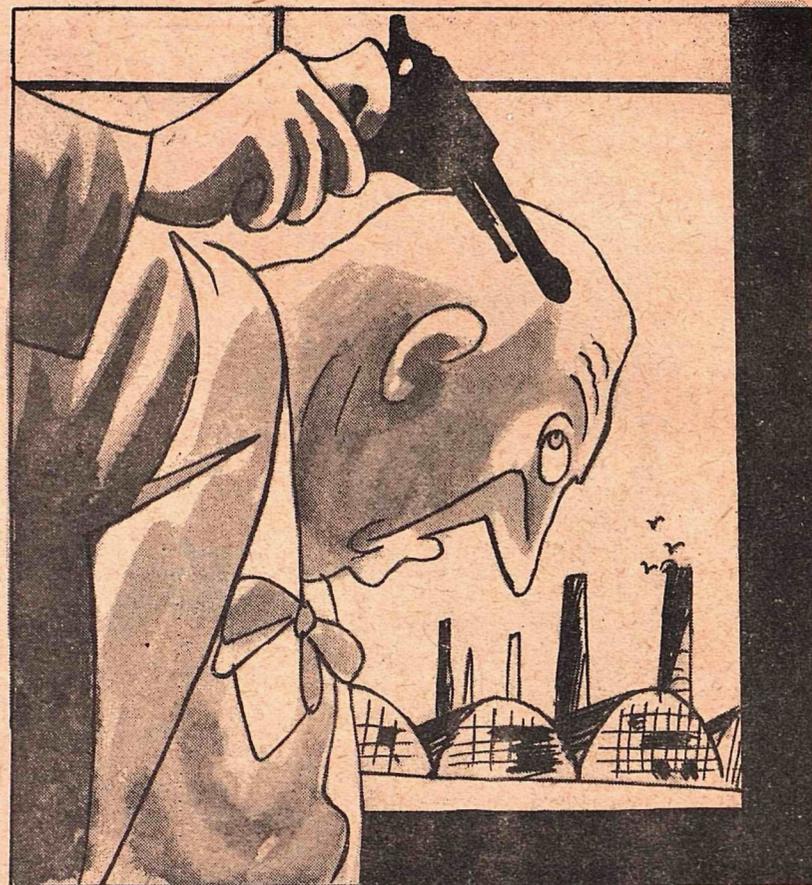
— Надо было смотреть, —

неутолко ответил милиционер, не покидая поста. — Опишите кошелек-то приметы. Кошелек много, а я один.

Ошеломленный этой волной бюрократизма, честный огородник-любитель тов. Чепчуенко одиноко пошелся домой. Пусть несколько позже он нашел свой кошелек в левом носке, — но разве это оправдывает бездушное обращение с посетителем на улице?

Пусть в Норвегии чистят кильки. Мы за мировой рыбный улов. И за кофейный кризис в буржуазных странах. И за электричество в Елабуге.

Но постовые милиционеры должны быть чуткими к культурным запросам. Помните это, тов. Чепчуенко!

НАВЕЛО НА МЫСЛЬ

1. — Банкротство неизбежно. Что делать?

ДОСАДНЫЙ МИНУС

Пароход «Ютландия» был такой величины, что было непонятно с первого взгляда: он ли стоит около набережной, или набережная стоит около него.

Уже с семи утра, когда матросы в четвертый раз начистили до нервного блеска все дверные ручки, накрахмалили пожарные шланги, а повара всех девяти кухонь стояли во фраках около свежесрезанного салата, начался приток туристов на пароход.

Для руководства туристами был выделен девятнадцатый помощник капитана — Пижоль. Правил навигации он не знал, на море вообще не был, а на «Ютландию» попал из дикторов Тулонской радиостанции за нежный и густой тембр голоса, который должен импонировать пассажирам первого класса. Кроме этого он мог восемь часов подряд танцевать во время качки, объяснять красоты океана пожилым пассажирам и петь пестухом для детей американских миллионеров за особую доплату в пользу пароходной компании.

Попав на пароход, туристы сразу потерялись на нем, как котята на стадионе, но Пижоль энергично собрал их и ласкающим баритоном начал пояснения.

— Наша компания ничего не пожалела для комфорта господ пассажиров. Прошу обратить внимание вот на эту площадку для верблюдов. Что мы здесь имеем? Мы имеем здесь то, что каждый рожочный пассажир может взять с собой в путешествие своего любимого верблюда — сто десять долларов со столом, — каковой может пастись на площадке, кушать натуральную пальмовую кору за доплату в тридцать долларов, пользоваться за разовую оплату специальным верблюжьим бассейном, выложенным перламутром и голубым мрамором...

— А без верблюда дешевле? — осторожно спросил полный человек в цилиндре.

2. — Единственный выход...

— Дешевле. Одиноким пассажирам без верблюда, ученой антилопы и других млекопитающих, а только в сопровождении семьи может пользоваться другими видами комфорта. Рекомендую — специальный индейский вигвам для малокровных. За доплату в восемьдесят долларов пассажир кушает завтрак за столиком черного дерева, а хор индейских девушек — оплата по четыре доллара поштучно — исполняет во время десерта дикие танцы и последние парижские куплеты на тему о длинных юбках.

— А без девушек можно кушать? — нетерпеливо постучал тросточкой по палубе седой англичанин. — Это дешевле?

— Дешевле. Для семейных мы имеем на «Ютландии» специальный сталактитовый зал для чиханья, бархатный бассейн для игры в покер и величайшую в мире площадку для вышивания крестиком. За одиннадцать долларов в сутки каждый желающий может пользоваться бассейном и площадкой одновременно.

Часть туристов медленно потянулась к моторному баркасу, привезшему их с берега. Пижоль смахнул крупные капли пота и продолжал мягким убеждающим голосом:

— Что мы имеем во время морской качки? Во-первых, мы не имеем самой морской качки. За дополнительный билет в семьдесят два доллара наша компания гарантирует пассажиру спокойную водную поверхность. Специально приученные чайки летят за пароходом и за доллар с крыла охотно берут пищу из рук пассажира. Наша кухня гарантирует питательный птичий стол всего за пятнадцать долларов за рейс. Кроме этого каждый пассажир...

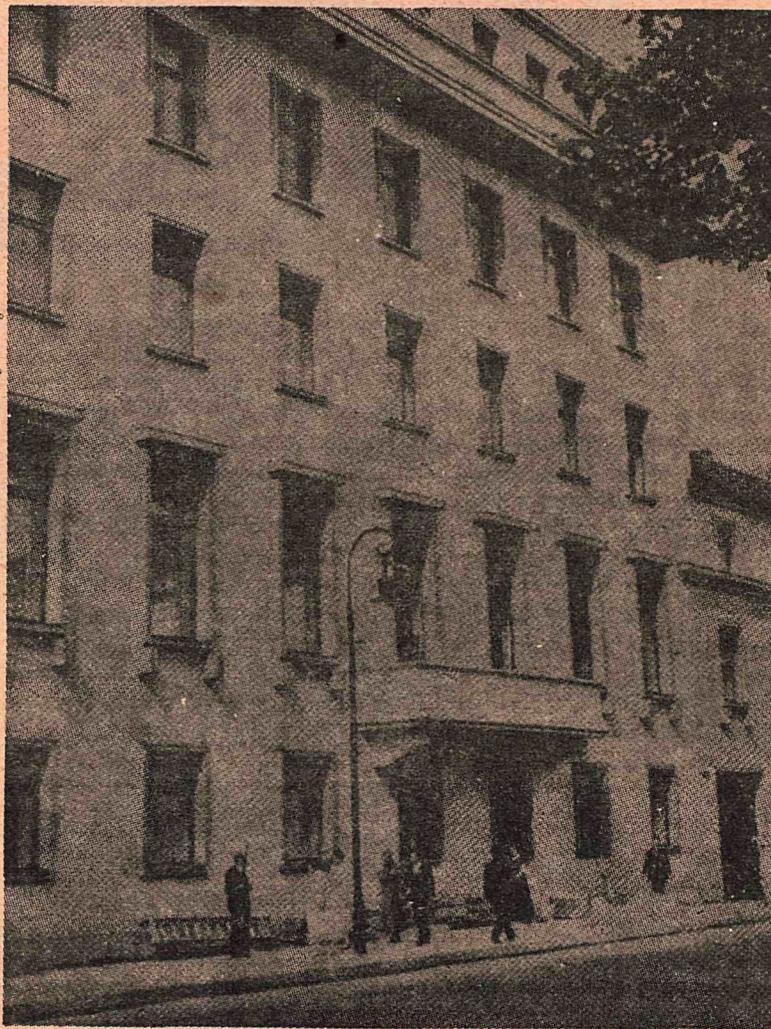
— За сколько долларов? — хмуро перебил вислоусый швед, один из четырех туристов, оставшихся около Пижоля.

— За тридцать семь и двадцать центов. За эту сумму молодые пассажиры первых двух классов имеют право пользоваться так называемой лесной площадкой на верхней палубе. Наша

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР КРОКОДИЛА — СПЕЦИАЛЬ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДА БЕРЛИНА

Мы не меняем ни заголовка, ни подписи под этим фото, напечатанным в газете «Фелькишер беобахтер» (№ 237 от 25 августа 1935 г.) в доказательство громадного строительства, производимого под руководством национал-социалистской партии.

Подпись гласит: Строительной программы германской столицы. Балкон на здании государственной канцелярии, специально пристроенный для того, чтобы население Берлина имело в определенных случаях возможность видеть своего фюрера».

Мы счастливы, что успели опередить «Архитектурную газету», публикуя в Крокодиле этот замечательный образец строительства третьей империи.

3. — ... найден!

компания, не жалея затрат, организовала на ней уголок непроходимого леса. Молодой пассажир после завтрака попадает в лес, из которого не может выбраться. Специальные служащие в униформах разыскивают его в лесу и ведут к обеду. Сбоку играют автоматические пианино по одному серебряному доллару за пьесу.

— Сто, плюс девяносто, плюс одиннадцать на тридцать, плюс семь на тридцать... Ну, я пошел,— вздохнул вислоусый швед.— Будьте здоровы.

Перед Пижолом остался один сухонький старичок в белых гетрах и в пестром жилете.

— А когда отправляется пароход? — конфузливо спросил он Пижоля.

— Мсье хочет приобрести билет первого класса?

— Почти. Но я бы хотел знать...

— Пароход отправляется между... Вам точный срок?

— Точный.

— Между. Точнее пока сказать не могу.

— Может, угля не хватает? — сочувственно спросил старичок.

— Уголь есть, — вздохнул Пижоль. — Четыре погреба, отделанных серебром и эмалью, забито углем.

— Может, с провиантом туго?

— Девять кинофицированных кладовых с искусственными пальмами полны доверху мясом и фруктами.

— Чего же вам не хватает?

Пижоль сухо посмотрел на старичка, оглянулся и сказал неприятным голосом:

— Пассажиров!

И, перегнувшись через перила, сердито крикнул вниз:

— Ну, вы там, — гоните следующую партию туристов! Дайте же пароходу хоть как-нибудь работать!

СЕМЕН ПИЙ

ЯЗЫК ЧЕТЫРНАДЦАТИ

Пословица говорит, что у семи нянек — дитя без глаза. По этой теории у четырнадцати нянек количество безглазых детей должно тоже удвоиться.

Повидимому, в некоторых случаях это так и происходит.

По крайней мере, редакционная коллегия «Трудов первого Московского государственного медицинского института», состоящая из 14 ученых, оказалась покровительницей неожиданно родившегося стиля, совершенно неподходящего для научного издания.

Вот на какие эффектные и пугающие строки можно натолкнуться в выпуске № 3 (Москва, 1935 г.)

«Большинство больных, пораженных пеллагрой, представляет собой людей без определенных занятий, хронических алкоголиков, либо ничем не питающихся (курсив наш.— «Крокодил»), либо питающихся однотипной пищей».

Затем, открыв особую категорию людей, ничем не питающихся, (очевидно, некогда), «Труды» устанавливают еще один странный вид жизни, никем еще до них не отмеченный:

«Он является выразителем патолого-анатомической жизни всего Союза, поддерживая новую связь со своими многочисленными учениками».

Анатомическая жизнь — это звучит если не гордо, то, во всяком случае, интригующе.

Но на смену таким таинственным открытиям идут в «Трудах» и такие просто меланхолические отклики на трудность бытия:

«Понос является самым постоянным явлением, так как обнаружен у всех».

Мы знаем, что есть специалисты по уху, горлу и носу. Быть может, они широко представлены в редколлегии «Трудов». Но, к сожалению, там, повидимому, нет ни одного специалиста по языку. Это сразу видно по стилю почтенного издания.

НЫЙ ПРОФСОЮЗНЫЙ

Гибкость в работе

В кафе, отделанное в новейшем вкусе,—мебель из водопроводных труб, стены—байка под мрамор,—вошел посетитель. Сев за стол, облизнув языком пересохшие губы, посетитель сказал:

— Кружечку пива, если можно.

— Пива не держим,—вежливо, но строго отозвалась официантка.—Воды есть.

— А если я хочу пива?

— Не держим. Тогда уже берите ликер или коньяк. Рюмками. Здесь кафе.

— Позвольте! А если я хочу пива? Одну кружку пива! Принять. Внутрь.

— Не держим.

— Да почему?!

Официантка пожала плечами.

— Не держим — и все. Хотите — позову заведующего... Заведующий был всячески благосклонен. Он сказал:

— Да, да, хочется пива, понимаю, сочувствую, но что ж поделаешь: инструкция. Ассортимент. Утверждено трестом, и пиво не входит...

— Но поймите, что это глупо! Это ничем не...

— Понимаю, сочувствую, рад бы, как для своего постоянного гостя, но — ассортимент...

— Да почему?! Зачем?! Кому этот ваш ассортимент нужен?!

По лицу заведующего пробежали неясные тени каких-то мыслей, вернее — эмоций:

— Очень прошу вас немного повременить.

Заведующий поднял руку, как бы приглашая обождать, и крикнул швейцару:

— Кепку мне! Скорей! Очень прошу вас немного повременить!..

И заведующий кафе, на ходу приняв от швейцара кепку, кинулся на улицу.

Посетитель смотрел вслед, разинув пересохший от жары рот...

Председатель 137-го треста кафе и ресторанов сидел у себя в кабинете и внушительно инструктировал своих сотрудников:

— Что это вам—мирное время, когда каждый ресторан имел свое название, свое меню и вообще, так сказать, стремился зачем-то мозолить глаза?! Советский ресторан должен быть тихий, незаметный. Никаких примет ему не полагается. Если потребитель прошел мимо и не заметил,—значит, солидно поставлено дело. Без ложной шумихи. Вывески всюду должны быть одинаковые. Пусть, если хотят, различают номера. А еще лучше и номера не выставлять. Еще запомнят, дьяволы, какой-нибудь ресторан, начнут шляться, изысканные блюда заказывать...

Тут в кабинет председателя ворвался наш заведующий кафе и, протягивая бумажку, закричал:

— Василий Ерофеич, уважь, сделай милость: разреши поверх ассортимента закупить по розничной цене одну кружку пива и с надбавкой 30 процентов отпустить посетителю!!! Надо проявить гибкость в работе.

— Это что еще за штуки?—подозрительно спросил председатель.—Гостей привлекаешь? Кабацкие нравы вводишь?

— Один раз в виде исключения!—умоляюще начал заведующий кафе.—Гибкость же надо проявить. Завтра я тебе за это половину меню велю отменить. Постоянный посети-

тель, понимаешь, и свободно может спросить жалобную книгу...

— Ну, разве уж в виде исключения. Для гибкости,—решил председатель.—И то, конечно, не разрешу, а только отмечу, что нет возражений. А ты беги в объединение Нарпита, куда мы входим на правах самостоятельной синдицированной хозяйственной единицы. Наш ассортимент утвержден ими, они же пусть проявят гибкость и берут на себя этот вопрос... Вот я написал резолюцию: «В обед. нар. пит. 137-й трест Рест. и каф. не возраж. в пор. исключ. разреш. 218-му кафе закуп. за нал. расч. 1 (одну) кружку пива для продажи в каф. с надбавкой 30%. Пред. 137-го Тр. В. Голубцов». Дуй теперь в объединение...

— Дую! Спасибо!..

Председатель объединения сел в автомобиль, чтобы ехать на дачу, когда задыхавшийся от бега заведующий кафе подбежал к нему.

— Из 137-го треста...—всхлипывая от неровного дыхания, бормотал он,—виза товарища Голубцова есть... Очень прошу... В виде исключения... Для гибкости... Надбавка 30 процентов...

— Ничего не понимаю,—сказал председатель объединения, мысли которого были уже по крайней мере на 22-м километре по дороге на дачу.—Говорите, Голубцов не возражает? Нарушение конвенций? Мне, голубчик, некогда... Это надо прямо в Наркомат. Мы лучше так: я напишу, что и я не возражаю при условии, что 137-й трест — персонально Голубцов — берет на себя ответственность, а вы идите в Наркомат... Дайте я так и напишу...

Секретарь раскрыл обемистую папку, на которой тиснеными буквами значилось: «На подпись наркомату». Взяв в руки принесенную ему бумажку, он вздохнул, хотел положить ее в папку, потом передумал и сказал: в виде исключения на один раз подпишу.

И написал поверх всех резолюций красным карандашом: «Разрешить в виде исключения».

Ихудевший заведующий кафе торжественно, обеими руками нес кружку пива к столику, где сидел давешний посетитель.

— Вот вам!—со счастливой улыбкой начал он.—Пейте на здоровье...—да так и не кончил.

На него посмотрели осовелые глаза, над которыми с трудом подымались веки. И вообще гость не сидел прямо в водопроводном кресле, а положил левую щеку на стеклянный столик, свесил обе руки на пол.

— А-а, притопал, чорт парши...—с трудом пробурчал посетитель,—а я на тебя плевать хотел!..

Заведующий тревожным взглядом спросил у кельнерши о том, что здесь произошло.

— Не дождалась она разрешенного пива,—рассказала кельнерша.—Сперва ворчали, ворчали, а потом и говорят: «Чорт с вами, давайте ваш коньяк...» Ну, и вот: не дождалась пива...

Пьяный посетитель внезапно взмахнул рукой, как машет подстреленным крылом умирающая птица, и задел за кружку, которую держал заведующий. Тихо плеснуло на пол пиво. Громко стукнула упавшая кружка.

ИВАН ДИТЯ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Мы много говорим о гигиене. Голосуем за чистоту, а ночью нас едят клопы и блохи. В качестве пробного опыта для разрешения этой проблемы, я купил так называемый японский порошок производства «Ленхимпромсоюза». И что же: не прошло и 3—4 ночей, как количество клопов и блох в моей комнате удвоилось. По качеству они тоже шагнули вперед — кусаются злее. Путем организованной охоты я набрал четырех клопов и двух блох и сунул их в коробку с порошком. Продержал их там день. Клопы поползли и с признаками явного оптимизма вылезли из коробки. Что же делать? Ведь если и сам сядешь в коробку с таким порошком, вряд ли это спасет от урона от напористых насекомых.

А. ЛАПТЕВ.
Актюбинск, Каз. ССР.

Милый Крокодил!

Ты, конечно, знаешь, какими болезнями могут страдать растения. Не утаивай своих знаний в этой области и поделись ими с Наркомземом СССР. Может быть, это ему поможет. — Иначе получают такие неприятности, что, когда Наркомзем Дагестана выписал два ящика диапозитивов по болезням зерновых культур, то в качестве объяснительного текста к диапозитивам Наркомзем СССР прислал в Дагестан семь экземпляров популярной брошюры «Венерические болезни и борьба с ними». Теперь нам местным растениям в лицо стыдно смотреть: что они скажут о нас, а особенно о всесоюзном Наркомземе?

Зав. группой защиты растений БУРШТЕЙН.
Махач-Кала.

Уважаемый Крокодил!

Известно, что в СССР нет безработных, а я недавно видел одну женщину, которая два месяца пробыла без работы и ничего не могла поделывать. Ей в Новоржевской милиции выдали паспорт и написали, что родилась она в 1994 году. То есть еще не успела родиться, а делает это через 59 лет. Фамилия ее Иванова, Анастасия. И вот

никуда не принимали Иванову и говорили ей: «Тут что-то неладно, раз ты еще не родилась. И, может быть, ты даже подозрительная». И пришлось Ивановой ехать на родину выбирать справку, что ей 41 год, и что родилась она в 1894 году. Справку ей долго не выдавали, а когда она пришла в Новоржевскую милицию, то ей сказали: «Может, ты действительно и не в 1994 году родилась, а откуда мы знаем, что ты Иванова Анастасия, а не другая?» И снова пришлось ей ехать на родину и доставать справку. Теперь она уже служит, но многие на нее косятся: «У тебя, — говорят, — с паспортом что-то неладное было. С чего бы это?»

И. ПЕРЛИН

Великие Луки,
Калининской области.

Товарищ Крокодил!

В одном из своих писем Фридрих Энгельс рассказывает о некоем банкире Бетмане, который не позволил делать на своем доме балкона. «А то, — заявил он, — на балконе усядется моя жена и сразу испортит фасад». Приблизительно по этому же принципу Днепропетровская милиция издала распоряжение, чтобы никто не лежал на балконах и тем более не выносил на них кушеток. Неужели, мы, вроде мадам Бетман, портим фасад домов своим присутствием, или же милиция боится оскорбить нравственность населения видом лежащих на балконе индивидуумов?

М. ШТЕЙН.

Днепропетровск.

Дорогой Крокодил!

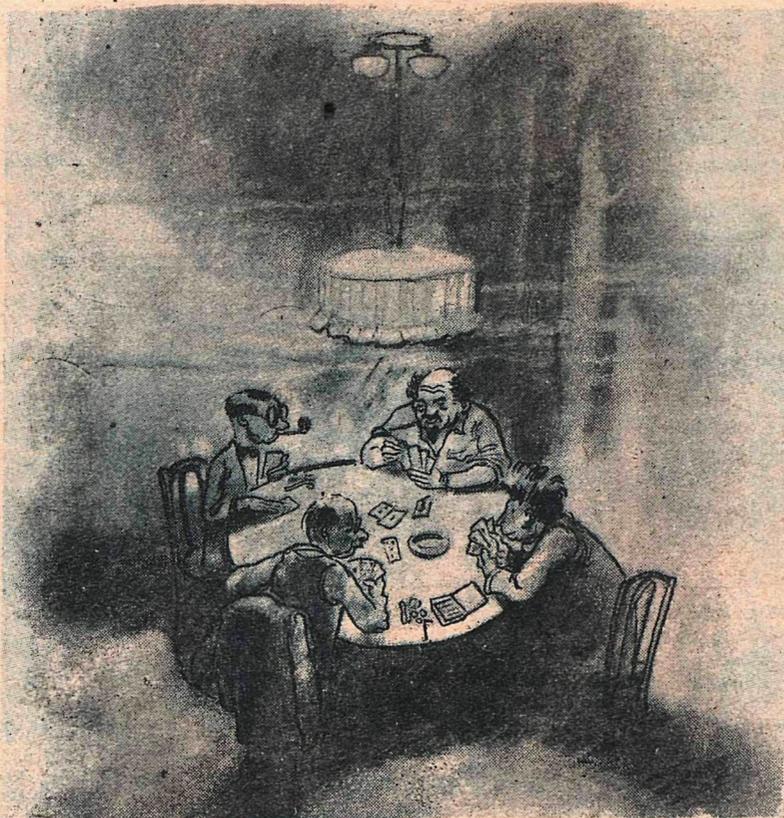
Нет ли среди твоих читателей людей с большими глазами, которым врачи прописали бы мазь, приготовленную на топленом свином салу?

Врач прописал мне для лечения глаза мазь. В аптеке согласились приготовить эту мазь только в том случае, если я доставлю ложку топленого свиного сала. Вот я ишу компаньонов, чтобы сообща купить недорогую свинью и вытопить нужное нам сало.

Не пропадать же глазу без мази.

А. И. СТЕФАНОВ.

Киржач,
Ивановской области.

- Были на курорте, а совсем не загорели!
- Да я на солнце совсем не был.
- Врачи запретили?
- Нет. На солнце карты просвечивают.

МИША И ГРИША

Шли два приятеля вечернею порою и дельный разговор вели между собой.

Одного звали Мишей, другого — Гришей.

Миша. Вот, говорят, говорят, а что толку? А настоящего внимания к живому человеку все нет как нет. Взять хотя бы меня. Смее спросить: живой я человек или мертвая каракатица?

Гриша. Правильно вопрос поставлен. И на него я могу дать только один ответ: нет, не мертвая каракатица, а настоящий живой человек! Между прочим, какой успех у женщин!

Миша. А принимают ли это во внимание? Ценят ли? Нет!

Гриша. Куда там! Не умеют еще у нас беречь человека. Далеко за примерами ходить не надо. Начну с себя. Я поэт.

Миша. И не просто так себе, а талантливый поэт.

Гриша. Чувствую, что ты тонкий ценитель. Я человек скромный, но могу смело заявить: каждое мое стихотворение — это вклад. Например моя поэма «Голубые травы». Помнишь?

«О, белые снега
Моей родины!
Поля, дуга,
Куст смородины!..»

Миша. Замечательно!

Гриша. Или, например, такие строки:

«Там, в долине колхоза,
Цветет, как душистая роза,
В полдень и даже ранее —
Соцсоревнование!»

Миша. Какой талант!

Гриша. А мои лирические стихи, полные тихой печали и глубокого вдохновения?

«Я люблю тебя днем,
Но особенно вечером...
И больше сказать
Мне тебе нечего».

Миша. Восхитительно! Я их обязательно выучу на память: в жизни пригодится.

Гриша. И вот эти стихи не хотят печатать ни в одном журнале. Не хотят. Говорят: «Вам, товарищ, надо учиться, надо читать». Это у них в редакциях называется вниманием к живому человеку, к молодым талантам. Сами учитесь, мои дорогие, сами читайте, если вам очень хочется. Какое же это отношение к кадрам, ежели читать заставляют? А?

Миша. Совершенно правильно. Одни разговоры, а на деле..

Гриша (печально закуривает папиросу)...

Г. РЫКЛИН

АНГЕЛЬСКАЯ ПРОДУКЦИЯ

В городе Минске у ангелов, по-видимому, что-то нехорошо с здоровьем.

Мы бы не смели утверждать ничего подобного, если бы не минские работники обллита, которые пропустили следующий текст на аптечных пакетиках с английской солью:

Бедные ангелы! А о потребителях уж и говорить нечего: их никто, по-видимому, в Минске не жалеет.

ВЗЛЕТ МУДРОСТИ

Верх бдительности проявила приемная комиссия Украинского института лингвистического образования в Харькове. Среди студентов, подавших заявление о принятии в институт, оказался один еврейский юноша с несколь-

ко неудачной фамилией:

Гитлер.

Комиссия основательно обсудила заявление, проработала его с идеологической стороны и вынесла такое решение:

„От приема воздержаться. Предложить переменить фамилию“.

Переменил ли злополучный юноша фамилию, неизвестно. К сожалению, неизвестно, переменил ли институт и такую временную комиссию.

КЛЮКВЕННЫЕ РУЧЬИ

Мечта о молочных реках и кисельных берегах мало-помалу начинает осуществляться.

Во всяком случае, новолодожское горпо уже успело разискать особые ключи, которые текут клюквенным квасом. Этикетка на этом необычайном напитке так и повествует:

Натуральный фруктово-ягодный напиток КЛЮКВЕННЫЙ из Новолодожских ключей

Теперь бы сказочного Иванушку-дурачка сюда — и все было бы в порядке. И поручить бы этому Иванушке редактировать квасные этикетки. Дурак, дурак, а такую, наверное, не пропустил бы.

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ

Лес — дело тонкое. Пусти в него людей — мало ли что они с лесом сделают.

На основе этого мудрого умозаключения пожарная тройка в г. Алатире (ЧАСССР) издала следующее постановление:

В виду установившейся засушливой ветряной погоды и участвовавших лесных пожаров ВЪЕЗД И ВХОД В ЛЕС КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Езда и хождение по второстепенным лесным дорогам будет рассматриваться, как нарушение обязательного постановления президиума РИК'а от 13 апреля 1935 года и виновные будут привлекаться к уголовной ответственности.

Проезд по основным лесным дорогам районного значения разрешается только по пропускам.

Пропуска выдаются лесохозяйственными участками на пропускных постах, по представлении удостоверения личности.

Районная тройка по борьбе с пожарами.

Ну как после этого не воскликнуть вместе с Николаем Васильевичем Гоголем:

— Тройка, тройка, кто тебя выдумал?..

ПОКУШЕНИЕ С НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Дорсанотдел Забайкальской ж. д. в борьбе с санитарной неграмотностью транспортников в первую очередь обрушился на алкоголь.

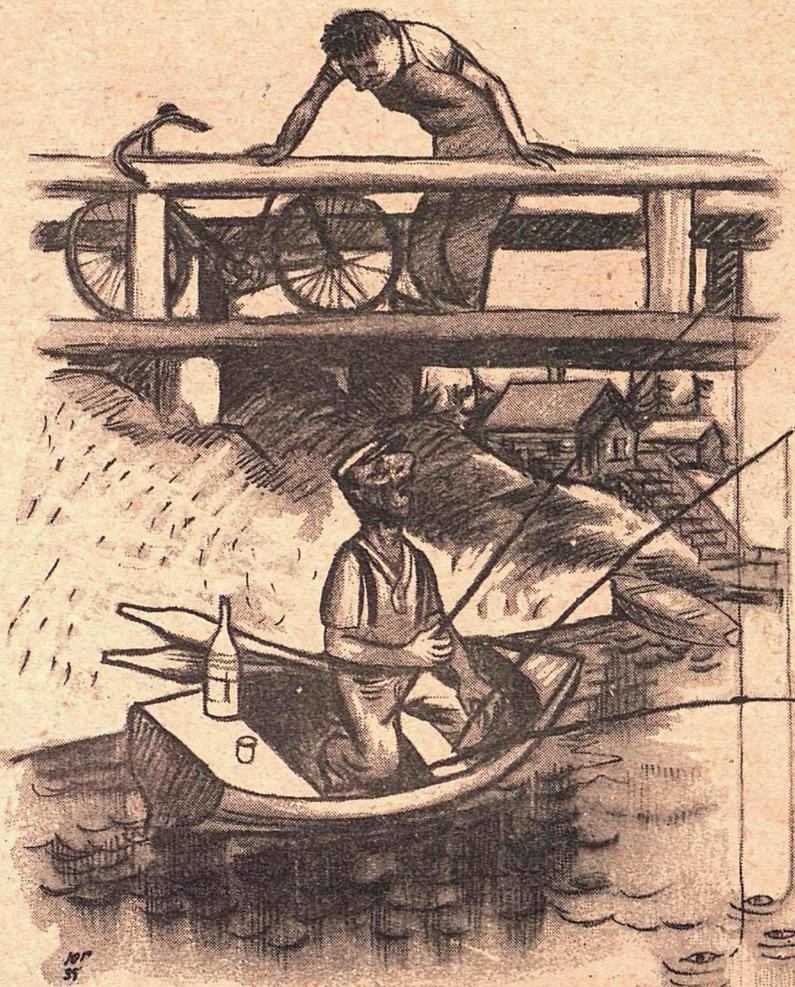
Выражено это в форме изящного и лаконичного лозунга:

Алкоголь не греет, а порождает упадок инициативы и душевных болевней. Поселок Могача. Райлит № 16. Вывод отсюда напрашивается сам собой: если бы алкоголь греет, то и бороться с ним не следует. Сей безграмотный лозунг райлит породил и помалкивает. А убивать его кто будет? Не звать же Тараса Бульбу.

„ОГНЕННЫЕ ШИШЛЫКИ“

Не очень радуют глаз и афиши, которые украшают заборы и витрины столицы Юго-Осетии — г. Сталинире.

Вот легкий образец одной из них:

— У меня такой обычай: рыбку поймаю — рюмку выпью, вторую поймаю — другую выпью...
— Значит, непьющий будете, дяденька?

«СТОЙ!» ПРОЧТИ

Ты должен быть на выступлении известного иллюзиониста (фокусника) Охрименко, который исполнит технику ловкости рук и других частей тела.

- 1) Послушная серебряная монета.
- 2) Желудок, вырабатывающий трикотаж.
- 3) Столовая из огненных шишлыков и др..

Интересно знать, к кому относится это первое яркое обращение: «Стой!»

К органам Главлита, подписывающим «огненные шишлыки», или к местным органам Наркомпроса, разрешающим в качестве культурных развлечений приезжим желудкам вырабатывать трикотаж?

АБОРЛД

Нельзя бесконечно бить ближнего своего поленом по голове. Если уж не из человеколюбия, то хотя бы из вежливости.

Десять лет люди, надрываясь, пишут о том, что нельзя пугать текст телеграмм.

Если не из человеколюбия, то хотя бы из вежливости.

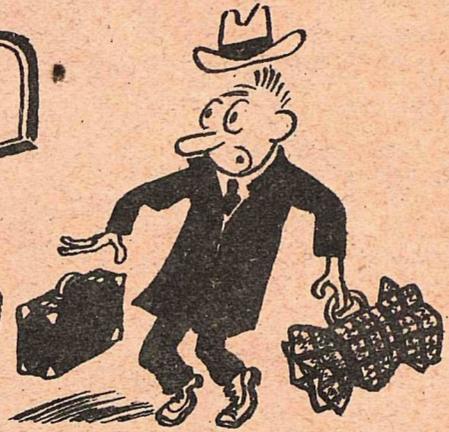
И, тем не менее, лихие работники Наркомсвязи до сих пор ухитряются передавать такие, например, телеграммы:

АРМАВИР АРМАВИРСКИЙ МОЛМЯСАСАНДОЗ' ЮНДЯ АРМАВИР РОСЮОВА ДОНА 19603 25 1 15 11 ПРИ- ЛАЗОФПАП ПИРЕЛЛПИПЬ АБОРЛД СЕНА ПРЯЛТО- РОН ТРАВЯНОК РАСАБУМ КОСИТЬ 500 ГЕКТАР ДЕНЬ СЕДЬМОМУ АВГУСЮА ВЫПОЛНИТЬ СЕНОКОС РАЗМЕ- РЕ 10000 ГЕКРАТ РАЗНЕРНИТЕ СИЛОСОВАНИЕ — АН- ТИПОВ 658

Ну раз — прялторон. Другой раз — прилазофпап. Но нельзя же до бесчувствия!

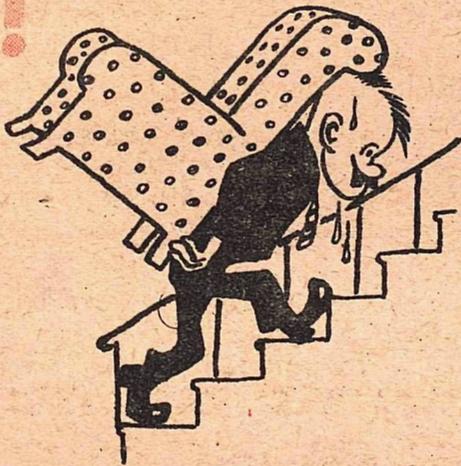
Зачем утомлять слух и напрягать терпение близких людей игрой на пислявой гармошке?

ДОЛОЙ КУСТАРНИЧЕСТВО! В БЫТУ!

Зачем вам в индивидуальном порядке сидеть у себя дома и загадывать, сможете ли вы когда-либо осмотреть весь мир? Это скучно и вызывает опасения со стороны окружающих: о чем, мол, беспокоится этот странный человек?

Зачем таскать в свою новую квартиру обстановку по частям?

Организациями ОСОАВИАХИМА НАЧАТА РЕАЛИЗАЦИЯ БИЛЕТОВ 9-й ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ ОСО- АВИАХИМА

среди рабочих и служащих.
Распределение билетов проводится на строго добровольных началах. Средства от 9-й лотереи идут на укрепление оборонных мероприятий ОСОАВИАХИМА. ПОМНИТЕ, что, приобретая билеты 9-й лотереи ОСОАВИАХИМА, Вы отдаете свои средства на оборону страны и получаете возможность выиграть.

По 9-й лотерее будет разыграно свыше 300 ТЫСЯЧ ВЫИГРЫШЕЙ, на общую сумму 8½ млн. рублей. ВЫИГРЫШИ — от 25 до 10 000 руб. В ЧИСЛЕ ВЫИГРЫШЕЙ: путешествия за границу и по СССР, автомобили, путевки в дома отдыха, меблировка квартиры, пианино, мотоциклы, легкие шлюпки и много других ценных выигрышей.

По желанию выигрыши заменяются деньгами.
Стоимость билета 1 РУБЛЬ. СОХРАНЯЙТЕ ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ПО ТИРАЖНЫМ ТАБЛИЦАМ.

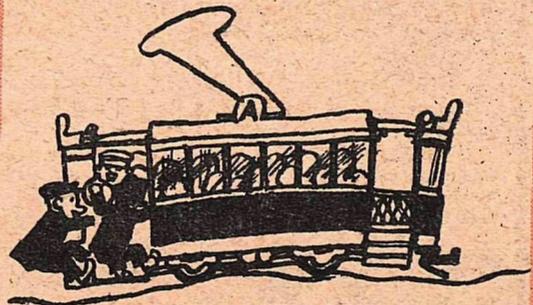
Тираж состоится в ноябре 1935 г. ТРЕБУЙТЕ билеты 9-й лотереи во всех организациях ОСОАВИАХИМА! Ни одного трудящегося без билета 9-й лотереи ОСОАВИАХИМА!

Лотерейное бюро ЦО ОСОАВИАХИМА

Зачем уныло бегать с чемоданами и терять время на выборы: куда поехать на курорт?

Зачем с опасностью для своей драгоценной жизни неуютно висеть на подножке переполненного трамвая?

НЕ ПРОЩЕ ЛИ, РАЗУМНЕЕ, БЫСТРЕЕ И ЭКОНОМНЕЕ КУПИТЬ БИЛЕТЫ 9-й ЛОТЕРЕИ ОСОАВИАХИМА, И ТОГДА К ВАШЕЙ КВАРТИРЕ В ОДИН СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ СРАЗУ ПРИВЕЗУТ.

— ПОЗВОЛЬТЕ, — СКАЖЕТЕ ВЫ, — ЭТО ВСЕ — ЛИЧНОЕ. НУ ЗАЖИТОЧНАЯ ЖИЗНЬ, НУ КУЛЬТУРА И УДОБСТВА, НУ, НАКОНЕЦ, КОМФОРТ И УДОВОЛЬСТВИЯ, А ПРИ ЧЕМ ЖЕ ЗДЕСЬ ГОСУДАРСТВО? ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ МОЯ СТРАНА?

А ПРИ ТОМ, ЧТО ВСЕ ТЕ МИЛЛИОНЫ РУБЛЕЙ, КОТОРЫЕ ДАЕТЕ ОСОАВИАХИМУ ВЫ И ВСЕ ГРАЖДАНЕ СССР, ИДУТ НА РАБОТУ ОБЩЕСТВА, СОДЕЙСТВУЮЩЕГО ОБОРОНЕ НАШЕЙ РОДИНЫ.

